

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ЯЗЫКОВОЙ СЕМАНТИКИ В ДИСКУРСЕ

Статья посвящена исследованию особых свойств языковой семантики в тексте, производных от функций, выполняемых языковыми единицами в стратегической программе создателя речевого продукта. Изучение условий смыслового синтеза необходимо для выведения закономерностей протекающих дискурсивных процессов.

Ключевые слова: *смысловой синтез, «батизматическое значение» языковых единиц, субъектная перспектива*

В основу предлагаемых в данной статье рассуждений положена идея о существовании свойств языковой деятельности, отличных от системных характеристик языковых единиц, что не исключает детерминированности их природой названных нами процессуальных свойств языковых единиц в системе языка. Речь идет о *партитурности* языковой семантики, *цикличности* процессов смыслопорождения, о которых упоминает ряд исследователей. Процессуальные характеристики языковых единиц, согласно нашей гипотезе, проявляются в контексте явлений, свойственных как дискурсу, так и тексту как наблюдаемой составляющей дискурса. В качестве системного дискурсивного образования рассматриваются дискурсивные перспективы, организующие последовательность высказываний, которые репрезентируют повествовательный дискурс, или, в традиционной терминологии, акт рассказывания в нарративе.

Основу концепции цикличности процессов смыслообразования образует представление о смысле как о динамичном явлении [Schermer 1984: 214]. Смысловой синтез протекает, согласно этим представлениям, в последовательности циклов, внутри которых складываются определенные смысловые структуры. М. Шернер рассматривает цикличность как основополагающий коммуникативно-функциональный принцип обработки когнитивных данных в тексте. Исследуя тема-рематическую структуру текста, автор исследует производство смыслов через переход ремы предшествующего высказывания в тему последующего.

Кроме цикличности процессов смыслообразования автор обращает внимание на *партитурность* этих явлений, их многослойность, явление, получившее описание и обоснование в трудах современных представителей рецептивной эстетики и философии. В отечественной лингвистике идея партитурности связана с именем В.Г. Адмони. Размышляя о структуре грамматического значения, В.Г. Адмони специально оговаривает факт су-

ществования грамматики как внеоперационной системы, что, по мнению ученого, исключает понимание грамматики как последовательности порождающих операций, при этом В.Г. Адмони отмечает то существенное обстоятельство, что грамматические значения вводят в систему языка условия и формы речевой коммуникации. Мысль о двувёршинности грамматического строя, его непосредственной связи, как с формальной стороной высказывания, так и с его смысловой стороной и психофизиологическими механизмами речевой деятельности, представляется нам особенно ценной в связи с изучением дискурсивных процессов смыслообразования. Особое внимание в связи с этим автор уделяет «баптизматическим» значениям, т.е. значениям, опирающимся на отдельные участки речевой цепи [Адмони 1979: 21-22]. Размышления В.Г. Адмони о *партитурном* строении речевой цепи основаны на факте признания существования так называемых переменных синтаксических значений, многослойной системы грамматических значений, характеризующих речевую цепь и включающих прагматику.

Оба свойства языковой семантики, *партитурность* речевой цепи и *цикличность* процесса смыслообразования, проявляют себя в том, как в речевой деятельности индивидуумов функционирует субъектная перспектива. Исследование субъектной перспективы имеет определенную историю в отечественном языкознании, в первую очередь, в коммуникативной грамматике. Е.В. Падучева рассматривает роли говорящего субъекта, реализуя положение В.Г. Адмони об отражении в языке форм и условий коммуникации [Падучева 2011]. Разграничивая каноническую и неканоническую коммуникативную ситуацию, Е.В. Падучева связывает роли субъекта именно с типами ситуации, при этом автор, вслед за Ю.Д. Апресяном [Апресян 1986/1995], использует понятие «наблюдатель», связывая его с процессом восприятия, что в ряде случаев делает его идентичным понятию перцептора. Особую значимость для наших рассуждений имеет наблюдение автора относительно сдвигов субъектных ролей в гипотаксисе и нарративе, когда субъекты сознания и восприятия не совпадают с субъектом говорения.

Идея субъектной перспективы находит детальную разработку и развитие в исследованиях Н.К. Онипенко. Н.К. Онипенко рассматривает обширное поле средств субъективации, относя основные из них к способам выражения модуса [Онипенко 2004]. Заполнителями субъектной позиции в модусной рамке, согласно концепции Н.К.Онипенко, являются субъекты знания, мнения, воли, эмоции, речи. Преимущество предлагаемой автором интерпретации заключается в расширенном понимании субъектной перспективы и эгоцентрической техники, в разграничении внутри- и внешне-синтаксических позиций, семантика которых осмысливается в зависимости от их отнесенности к субъекту модуса или диктума.

В проведенном нами исследовании смены субъектных перспектив в повествовательном дискурсе, или акте рассказывания, мы исходили из по-

нимания данного феномена как разновидности дискурсивных технологий, сформировавшихся в речевой деятельности индивидуумов и образующих основу коммуникативной компетенции [Данилова 2005]. В этом случае речь идет не только о ролях субъекта, но и сформированных в языковом опыте алгоритмах вербального поведения, использование которых позволяет определенным образом регулировать рефлексивное поведение индивидуумов в интеракциях. Субъектным перспективам как алгоритмам вербального поведения свойственны, по нашим наблюдениям, важнейшие операциональные свойства языковой семантики, упомянутые выше: *нарративность и цикличность*.

Проследим формирование названных свойств на материале нарратива. Так, в рассказе Людвиг Берне «Über das Schmolten der Frauen» исходная секвенция выстроена в персональной и эксплицитной субъектной перспективе: «*Meine ehemalige Braut nannte ich, wir es bei allen kultivierten Völkern Sitte ist, einen Engel, meine jetzige Frau nenne ich, wenn ich böse auf sie bin, einen gefallenen Engel, ist das Ehwetter aber heiter, einen gestützten*» [Börne 1990: 64]. Пропозициональная установка говорящего субъекта, в нашей терминологии коммуникативная – перспектива субъекта речи, создана и формулируется через субъектно-предикатную структуру, в которой субъект репрезентируется личным местоимением. Коммуникативная перспектива субъекта речи оформлена предикатом «*nennen*», являющимся в парадигме речевых актов собственно коммуникативом. В последовательности высказываний имплицитно представлена когнитивная перспектива рефлектора (Е.В. Падучева считает возможным говорить о подразумеваемом говорящем). Акт рефлексии получает выражение в противопоставлении временных форм, позволяющих выделить актуальный модус (*nenne ich*) и рефлексивный модус воспоминания (*nannte ich*). Контраст модусов подготавливает в рассказе появление экспозиции: «*Warum gestützter?*» *fragte mich Wilhemine, als ich mich zum ersten Male dieses Ausdrucks bediente. Ich ward verlegen, denn ich hatte mich noch nicht zu verstellen gelernt, ich wußte noch nicht, wie gut in der Ehe oft das Lügen sei...*».

Другая последовательность перспектив носит более дифференцированный характер, так как в диктумной части реализуется перспектива субъекта эмоциональной рефлексии, выражением чего становится градация «*einen Engel, einen gefallenen Engel, einen gestützten*». Завершение секвенции «*Ich ward verlegen, denn ich hatte mich noch nicht zu verstellen gelernt, ich wußte noch nicht, wie gut in der Ehe oft das Lügen sei...*» представляет собой многослойное высказывание, в котором сохраняется коммуникативная перспектива субъекта речи, в то время как когнитивная перспектива субъекта эмоционально рефлексии сменяется перспективой субъекта рациональной (эпистемической) рефлексией.

В экспозиции вводится завязка сюжета, при этом последовательность событий, в нашей терминологии «событийная структура», представлена в

естественной хронологии и причинно-следственной логике: «*Du fürchtest also, ich könnte dir untreu werden?*» fragte sie, wartete aber auf keine Antwort, sondern nahm ihr Gesicht zusammen und *schmolte*». Выделенное автором курсивом действие «*schmolten*» вводит центральную тему рассказа, заявленную в заголовке и образующую смысловую доминанту изложения. Субъект-деятель в событийной структуре требует включения специальной коммуникативной перспективы, которую мы именуем, вслед за Ю. Хабермасом, перспективой (незаинтересованного) *наблюдателя* [Habermas 1981] (отметим, что необходимо различать *коммуникативную перспективу* наблюдателя как независимого комментатора событий (идеальная коммуникативная позиция в диалоге) и *когнитивную перспективу* перцептора, субъекта восприятия). К слову сказать, несовпадение этих пропозициональных установок отмечает и Е.В. Падучева [Падучева 2011: 12]. В этом случае между событиями и актом повествования образуется дистанция, позволяющая описывать их без вмешательства в их течение, что создает эффект объективности.

Представленная таким образом «история» не получает дальнейшего развития, так как собственно акт повествования представляет собой авторскую рефлексию относительно поведения женщин в супружеской жизни, что требует включения другой комбинации коммуникативных и когнитивных перспектив. Две исходные секвенции, введение и экспозиция, развиваются в парах: коммуникативная перспектива субъекта речи (Ssp) + когнитивная перспектива рефлектора (Sref) (1) и коммуникативная перспектива наблюдателя (Sbeob) + перспектива деятеля (Shand) (2). Во второй секвенции обнаруживается способность перспектив включать не только недекриптивные (модусные) значения, субъект диктума вносит свой вклад в оформление рефлексивного алгоритма вербального поведения. Цикличность сохраняется благодаря чередованию рефлексивных перспектив при стабильности коммуникативной перспективы субъекта речи. Субъект диктума (субъект состояния), принадлежащий «истории», помещен в рефлексивную перспективу, обращенную в прошлое и имеющую характер воспоминания. Эта базовая рефлексивная перспектива, составляющая содержание акта рассказывания, ориентирована, так же как и в экспозиции, относительно актуального модуса исходной секвенции «... *meine jetzige Frau nenne ich....*».

Субъектная перспектива, как показывают наблюдения, вовлекает в круг средств ее репрезентации категорию лица, модальности, типы синтаксических конструкций и предикаты определенной семантики. Предназначение субъектной перспективы в нарративе заключается в формировании структуры сообщения, принадлежащего дискурсии. Чередование способов концептуализации действительности создает сложный рельеф фикционального мира, привнося в процесс его формирования авторские модуляции, благодаря чему высвечиваются одни его грани и помешаются в тень

другие. Остальные секвенции рассказа посвящены размышлениям автора о поведении замужних женщин,

Резюмирующая секвенция рассказа Л. Берне содержит последовательную аргументацию и выводы, при этом удваивается смысловая структура изложения, в нее интегрируется метафорический пласт изложения: *«Wenn mich meine gute Wilhelmine aus dem Pfradise, die sie mir selbst geschaffen, auf Stunden und Tage hinausschmollt, so ist das mir meine eigene Schuld.... Meine Frau und ich bilden nur eine Kammer, und so muß denn geschehen, was in solchen Fällen immer geschieht: das demokratische Prinzip gewinnt über das aristokratische...»* [Börne 1990: 67]. Аллюзия на государственное устройство выстроена в перспективе рефлексора, а фоном служит коммуникативная перспектива субъекта речи, что вновь выстраивает в тексте каноническую ситуацию диалога.

Подводя итог проведенным наблюдениям, можно отметить следующее: особенностью предлагаемого подхода является понимание субъектной перспективы как дискурсивного явления, демонстрирующего единство языковой формы, коммуникативной и когнитивной установок, что позволяет управлять вниманием реципиента и формировать сообщение в соответствии с замыслом автора. В нарративе чередование перспектив служит целям регулирования рефлексивного взаимодействия участников общения в условиях дистанцированной коммуникации.

Библиографический список

1. Адмони В.Г. Структура грамматического значения и его статус в системе языка // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках / Отв. ред. В.Г. Адмони. Л.: Наука, 1979. С.8-36.
2. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. (Перепечатано в: Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М., 1995).
3. Börne L. Über das Schmollen der Frauen / Heiteres Darüberstehen. Geschichten und Gedichte zum Vergnügen. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1990. S. 64-68.
4. Данилова Н.К. Референционная динамика повествовательного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград: ВолГПУ, 2005.
5. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. (Bd.1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung, Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft). Frankfurt am Main, 1981.
6. Онипенко Н.К. Автор и герой в художественном тексте. Субъектная перспектива высказывания и текста // Русская словесность, 2004. № 8. С. 55-62. (В соавторстве с Е. Никитиной).
7. Падучева Е.В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания, 2011. № 3. С. 3-18.

8. Scherner M. Sprache als Text. Ansätze zu einer sprachwissenschaftlich begründeten Theorie des Textverstehens. Tübingen: Niemeyer, 1984.

N.K. Danilova (Russland, Samara)

PROZESSUALE QUALITÄTEN DER SPRACHLICHEN SEMANTIK IM DISKURS

Im Aufsatz handelt es sich um prozessuale Qualitäten der sprachlichen Semantik, die als zyklisch und diskursabhängig angesehen werden. Die Polyvalenz der Semantik wird anhand der Subjektposition untersucht.

Stichwörter: Sinnsynthese, „vertikale“ grammatische Bedeutung, Subjektperspektive